

звено в эволюционной цепи; 2) животные ведут себя таким образом, как это позволяют стратегии, обеспечивающие их итоговую приспособленность. В прошлом виды являлись объектом воздействия тех же фундаментальных эволюционных законов и экологических сил, что и в настоящее время. Поэтому авторы делают вывод, что принципы, которые мы познаем сегодня, применимы были на протяжении всей эволюционной истории. Трудно согласиться с категоричностью авторов относительно универсальности действия законов естественного отбора независимо от уровня организации вида, а также с утверждением о неизменности этих законов применительно к гоминидам. Напомним, что в отечественной литературе успешно развиваются представления об универсальных и частных законах эволюции, возможности эволюции самой эволюции². Туби и Девор приходят к выводу о том, что параметры определенных сторон жизни гоминид в разные периоды их эволюционной истории можно вычислить на основе учета комплекса данных: 1) знания примеров гомологии у приматов, представленной на основе поведенческих, морфологических и биохимических данных; 2) характеристик, присущих современному человеку; 3) палеоантропологии; 4) археологии; 5) палеоэкологии. Следует сказать, что общая направленность статьи (как, впрочем, и книги в целом), ориентирующая исследователей на необходимость комплексного подхода в решении проблем антропогенеза, заслуживает самого серьезного внимания.

Идеи, высказанные на страницах рецензируемой книги, в большинстве своем спорны. Тем не менее многие из них логически обоснованы и находят подкрепление в многочисленных примерах. Книга позволяет шире, а зачастую и просто по-новому взглянуть на проблемы эволюции человека и общества, понять всю необходимость анализа предпосылок антропосоциогенеза на базе новых, накопившихся уже в 80-е годы сведений в области приматологии, этологии и экологии приматов, а также указывает на необходимость в первую очередь полного пересмотра существующих, традиционных в этнографии и антропологии представлений относительно происхождения экзогамии, разных типов брачных систем, происхождения орудийной деятельности, двуногой походки и т. д.

Вопросы, освещенные авторами, современны и актуальны и представляют интерес для широкого круга специалистов, прежде всего антропологов, этнографов, историков, археологов, социологов, психологов и философов.

М. Л. Бутовская

Примечания

¹ Lovejoy C. O. Hominid Origins: the role of bipedalism // Amer. J. Phys. Anthropol. 1980. V. 52. P. 250.

² Завадский К. М., Колчинский Э. И. Эволюция эволюции. Л., 1977.

В. А. Шнирельман. Возникновение производящего хозяйства. М., 1989. 444 с.

Рецензируемая книга посвящена одной из самых важных и в то же время сложных проблем науки. К настоящему времени по этому вопросу накоплен колоссальный материал, в котором легко утонуть. Чтобы этого не случилось, нужен теоретический ориентир, руководствуясь которым можно было бы выделить основное, отделить существенное от несущественного, правильно истолковать огромное количество фактов.

В качестве такого теоретического ориентира В. А. Шнирельман принимает идею выдающегося советского биолога Н. И. Вавилова о первичных и вторичных центрах формообразования культурных растений. Эту идею автор творчески развивает. Речь идет не просто о первичных и вторичных центрах формообразования культурных растений, а о первичных и вторичных очагах становления производящего хозяйства, включающего в себя не только земледелие, но в большинстве случаев и животноводство. Если Н. И. Вавилов выделяет свои центры по синхронным ботаническим данным, то В. А. Шнирельман широко привлекает материалы археологии, палеоботаники, палеозоологии и палеоклиматологии.

Самым древним из всех очагов производящего хозяйства является переднеазиатский, который, как считает автор, возник в результате объединения шести микроочагов (восточноевропейского, северосирийского, юго-восточноанатолийского, южноанатолийского, загросского и закавказского). Здесь впервые в истории человечества зародилось производящее хозяйство. Это произошло в период от IX—VIII тысячелетий до второй половины VIII—VII тысячелетий до н. э. Другими первичными очагами производящего хозяйства в Азии были юго-восточноазиатский, и восточноазиатский. В Африке автор выделяет сахаро-суданский и гвинейско-камерунский, в Америке — мезоамериканский и андийский первичные очаги.

Вторичных очагов было значительно больше. Если в Европе не существовало ни одного первичного очага производящего хозяйства, то вторичных было три: балканский, центрально-европейский и восточноевропейский степной.

Автор детально прослеживает распространение земледелия и скотоводства из первичных, а затем и вторичных очагов. Это происходило по-разному. В одних случаях имели место миграции земледельческо-скотоводческого населения. В других — заимствование местным населением новых хозяйственных навыков у соседей. Чтобы ответить на вопрос, с каким именно вариантом мы сталкиваемся, В. А. Шнирельман широко привлекает данные археологии, палеоантропологии и, где это возможно, лингвистики.

Важно отметить, что особое внимание в книге уделяется образу жизни и социальной организации человеческих сообществ как в период, предшествующий переходу к производящему хозяйству, так и во время самого перехода и, наконец, после того, как он завершился. Опираясь на данные археологии, автор в каждом конкретном случае стремится дать ответ на целый ряд важных вопросов.

Один из них — вели ли люди бродячий, сезонно-оседлый или полностью оседлый образ жизни. Он тесно связан с вопросом о типе и размерах стоянок и селений, типе и величине жилищ. Следующий вопрос относится к социальной структуре: бытовали ли у этих групп людей престижно-социальные отношения, а также существовала ли у них социальная дифференциация, и какой степени она достигала. Еще один вопрос: насколько был развит обмен между социальными организациями и сколь широка была территория, втянутая в систему обменных отношений.

И во многом получить ответ на эти вопросы автору удастся, в результате чего перед читателем предстает яркая и достаточно достоверная картина жизни людей тех отдаленных эпох.

Детальному рассмотрению первичных и вторичных очагов становления производящего хозяйства посвящены восемь из десяти глав книги (главы 2—9). В первой главе рассматриваются основные этапы изучения проблемы происхождения и ранней истории производящего хозяйства. Последняя, — десятая глава содержит основные выводы, сделанные на основе анализа конкретного материала. Она представляет особый интерес.

В этой главе автор прежде всего указывает, что во многих работах «нередко смешиваются два понимания термина „земледелие“: как одного из направлений хозяйства и как характеристики образа жизни, основанного на земледелии» (с. 364). Он предлагает их четко различать. Мысль выражена не вполне адекватно: вряд ли верным будет сказать, что под земледелием можно понимать не только одно из направлений хозяйства, но и образ жизни, основанный на земледелии. Но сама она совершенно верна. Нужно отличать состояние, когда земледелие уже существует, но играет второстепенную роль, и состояние, когда земледелие уже стало основой жизни общества. Только когда имеет место второе состояние, можно говорить о земледельческом образе жизни, а общество называть земледельческим. Чтобы отличить земледелие, которое не представляет собой основу общества, от земледелия, уже ставшего такой основой, можно было бы первое называть праземледелием, а второе — просто земледелием.

В соответствии со всем сказанным несколько значений имеет и выражение «переход к земледелию». Под ним можно понимать, во-первых, возникновение праземледелия, во-вторых, весь более или менее длительный период существования праземледелия, завершающийся появлением земледелия, в-третьих, возникновение собственно земледелия и тем самым земледельческого образа жизни.

Развивая мысль о двух формах бытия земледелия, В. А. Шнирельман создает периодизацию становления производящего хозяйства. Первым идет этап *А*, на котором происходит вызревание предпосылок для перехода к производящему хозяйству у охотников, рыболовов и собирателей (с. 364). На мой взгляд, его можно было бы именовать предземледельческим. За ним следует этап *Б*, для которого характерно «возникновение земледелия и скотоводства в качестве уклада в рамках присваивающего хозяйства» (с. 368).

Строго говоря, земледелие и скотоводство не могут существовать в рамках присваивающего хозяйства. С их возникновением хозяйство в целом перестает быть только присваивающим. Оно является теперь присваивающе-производящим. Но мысль автора совершенно ясна и верна: на стадии *Б* зарождающееся производящее хозяйство существует в условиях, когда господствующим является не оно, а старое, присваивающее, хозяйство. На мой взгляд, этот этап можно было бы назвать праземледельческим.

Следующий этап — *В* характеризуется победой земледельческо-скотоводческого образа жизни и завершением процесса становления производящего хозяйства (с. 371).

Важнейший вопрос, который ставит и решает В. А. Шнирельман, — соотношение формы хозяйства и типа социальной организации.

Немалое число авторов связывает с переходом от присваивающего хозяйства к производящему смену стадий развития первобытного общества. В особенно четкой форме этот взгляд нашел свое выражение в книге В. Р. Кабо «Первобытная доземледельческая община», где в качестве первой стадии в развитии первобытного общества выделяется первобытная доземледельческая община. К этой стадии относятся все охотники, рыболовы, собиратели без исключения. «Мы, — пишет В. Р. Кабо, — не пользуемся имеющим некоторое распространение делением первобытных доземледельческих обществ на низших и высших охотников и собирателей, ибо при таком делении игнорируется фундаментальное сходство их общинных организаций»¹. Коренная перестройка всей социально-экономической структуры началась только после перехода к производящему хозяйству². В. Р. Кабо, таким образом, жестко связывает определенные социально-экономические отношения с определенными формами хозяйства.

На самом деле, как свидетельствуют факты, такой жесткой зависимости не существует. Мне уже, правда по другому поводу, пришлось высказываться по данному вопросу. «Переходя к социально-экономическим отношениям, — писал я в одной из статей, — прежде всего поставим вопрос об их связи с формами хозяйства. Некоторые исследователи пытаются вывести производственные отношения из форм хозяйства, непосредственно связать определенные производственные отношения с определенными формами хозяйства. На наш взгляд, такого рода попытки обречены на неудачу. Характер производственных отношений определяется вовсе не спецификой формы хозяйства, а уровнем развития производительных сил... При разных формах хозяйства, но при одном и том же уровне производительных сил в обществе возникают одни и те же производственные отношения»³.

Фундаментом любой общественно-экономической формации является определенная система социально-экономических отношений. Поэтому в основу выделения стадий развития каждой общественно-экономической формации должны быть положены изменения в системе социально-экономических отношений.

Исходя из этого мною была предложена периодизация истории сложившегося первобытного общества. В качестве первого этапа в ней выступала эпоха ранней первобытной общины, для которой характерно было безраздельное господство коммуналистического (уравнительного) способа распределения или распределения по потребностям. С возникновением распределения по труду на смену раннепервобытной общине пришла поздняя первобытная община. На этой стадии возникла и получила развитие так называемая престижная экономика. За стадией позднепервобытной общины последовала эпоха перехода от первобытного общества к классовому, эпоха предклассового общества ⁴.

Отсутствие жесткой связи между формами хозяйства и производственными отношениями убедительно продемонстрировано в рецензируемой работе. Как показывает В. А. Шнирельман, некоторые человеческие группы, перешедшие к земледелию на стадии раннепервобытной общины долгое время после этого продолжали на ней оставаться. Так обстояло дело в горах Мезоамерики и Перу (с. 265 сл., 320 сл., 368). Добавим к этому, что имеются и этнографические материалы, свидетельствующие о существовании обществ, где уже было земледелие, но которые тем не менее находились на стадии раннепервобытной общины. Примером могут послужить вайвай Гайяны. Причем, некоторые исследователи утверждают, что земледелие у этой группы было главным занятием ⁵. Если они правы, то можно говорить не только о праземледельческих, но и о подлинных земледельческих обществах, относящихся к стадии раннепервобытной общины.

Это с одной стороны. А с другой — известны общества охотников, рыболовов, собирателей, которые давно уже ушли от стадии раннепервобытной общины. Приведа примеры обществ с высокоэффективным присваивающим хозяйством, существовавших в недавнем прошлом (северо-западное побережье Северной Америки, Калифорния, низовья Амура, островная часть Юго-Восточной Азии, Новая Гвинея, Нигер), В. А. Шнирельман пишет: «Принято считать, что такие хозяйственные системы складывались лишь в виде исключения в районах с особенно благоприятными природными условиями. Однако, судя по археологическим данным, такая ситуация в неолите встречалась не так уж редко, причем местами ее можно наблюдать даже в конце позднего палеолита и в мезолите» (с. 401). Чтобы показать, насколько широко было распространено это явление, автор перечисляет те районы, где оно наблюдалось в неолите. Список получился поистине впечатляющим (с. 401).

Возможно, что большая часть этих обществ, уже миновавших стадию раннепервобытной общины, находилась на стадии позднепервобытной общины. Однако не все. Часть из них поднималась на более высокую ступень. Как подчеркивает В. А. Шнирельман, «в некоторых районах на основе высокоэффективного присваивающего хозяйства возникли социально дифференцированные предклассовые структуры» (с. 402). В качестве примера он приводит культуры поверти пойнт, адена и хоупвелл в восточных районах США (с. 303—304, 402). Правда, в этих областях в указанное время уже существовало земледелие, но оно имело второстепенное значение. Главную роль играло присваивающее хозяйство.

В этом отношении более «чистым» примером являются калуса Флориды. Их хозяйство было полностью присваивающим, но они тем не менее достигли стадии предклассового общества (с. 311, 402). У них уже существовало довольно крупное вождество ⁶. Другой «чистый» пример — многие из индейцев северо-западного побережья Северной Америки (с. 402). У них, как известно, существовало рабство.

«...Для общественной эволюции, — совершенно правильно пишет В. А. Шнирельман, — особую важность имела не столько сама форма хозяйства, сколько его эффективность, способность поддерживать и стимулировать развитие сложной социальной структуры. В этом смысле потенциал развитого присваивающего хозяйства в ряде случаев был ничуть не меньше, чем у ранних форм производящего хозяйства. Вот почему общественные отношения и социальная структура высших охотников, рыболовов и собирателей нередко напоминали соответствующие параметры в обществах ранних земледельцев и скотоводов» (с. 400).

Исходя из всего сказанного выше, автор выделяет два пути становления предклассовых и классовых обществ. «У бродячих охотников и собирателей, переходивших к производящему хозяйству, — пишет он, — появление и развитие социальной дифференциации было связано с этапом В» (с. 403). Но подчеркивает В. А. Шнирельман: «Гораздо чаще встречалась другая картина, когда земледелие и скотоводство возникали в рамках высокоэффективного присваивающего хозяйства. В этом случае процесс социальной дифференциации в той или иной мере прослеживался еще в условиях господства охоты, рыболовства и собирательства (этапы А и Б), а переход к производящему хозяйству приводил лишь к усилению уже наметившихся тенденций» (с. 403).

Если первый путь связан с появлением производящего хозяйства на стадии раннепервобытной общины, второй — с его возникновением на стадии позднепервобытной общины, то можно, вероятно, допустить существование и еще одного варианта, который характеризуется генезисом производящего хозяйства на стадии предклассового общества, что делает возможным переход от предклассового общества к классовому.

Таким образом, производящее хозяйство может сформироваться не только в разных природных условиях, но и на разных этапах развития первобытного общества. Отсюда В. А. Шнирельман делает вывод о том, что «встречающаяся порой в науке сама постановка вопроса о каких-либо универсальных причинах и характере становления земледелия представляется в корне неверной» (с. 363; см. также с. 368).

Вопрос этот сложен. Уже тот факт, что земледелие совершенно независимо появилось по меньшей мере в семи регионах земного шара, несомненно говорит, что мы имеем здесь дело далеко не со случайностью, а с необходимостью. Вполне понятно, что эта необходимость проявлялась в случайностях, что и создает впечатление случайности данного процесса. Но в действительности возникновение земледелия было процессом закономерным. И это В. А. Шнирельман вполне признает. Ведь сама глава, откуда взято приведенное выше высказывание носит название «Переход к производящему хозяйству: общие закономерности и локальная специфика».

И хотя он говорит об отсутствии универсального характера становления земледелия, он же сам, как мы уже видели, дает периодизацию становления производящего хозяйства, которую рассматривает как пригодную для всех случаев, т. е. как универсальную. Занимается он и поиском общих причин, вызвавших к жизни производящее хозяйство. «Повсюду, — пишет он, — процесс становления производящего хозяйства происходил в обстановке кризиса, который вызывал необходимость изыскания новых способов добычи пищи» (с. 369—370). Одним из способов разрешения хозяйственного кризиса и был переход к производящему хозяйству (с. 370).

Чтобы решить вопрос об основных причинах возникновения производящего хозяйства, нужно прежде всего выяснить можно ли считать три рассмотренных выше варианта его становления равноправными. На мой взгляд, нет. Один из них — нормальный, а два других представляют собой отклонение от нормы. Нормальным является, по моему мнению, переход к производящему хозяйству на стадии позднепервобытной общины. Этот вариант и встречается наиболее часто (с. 403). Именно на этой стадии возникают все предпосылки для перехода к производящему хозяйству (с. 161). Поэтому, начавшись, становление производящего хозяйства сравнительно быстро завершается. Так, например, в Передней Азии переход к производящему хозяйству произошел на протяжении IX—VII тысячелетий до н. э. При этом варианте развития, указывает В. А. Шнирельман: «Одним из стимулов перехода к земледельческо-скотоводческому образу жизни могло быть развитие престижно-социальных отношений, как предполагает Б. Бендер» (с. 403).

Что же касается перехода к производящему хозяйству на стадии раннепервобытной общины, то он был преждевременным, вызван к жизни такими чрезвычайными обстоятельствами, как хозяйственный кризис. Такой вариант развития встречается очень редко. В рецензируемой книге приводятся два случая — горы Мезоамерики и Анды. Ввиду преждевременности перехода к производящему хозяйству его становление затягивалось на долгое время. Так в горах Мезоамерики переход к земледелию происходит с IX—VII до III—II тысячелетий до н. э. (с. 380). В Андах переход к земледелию начался в VIII—VI тысячелетиях до н. э. и завершился в конце IV — начале II или III—II тысячелетий до н. э. (с. 321—323, 380).

Во всяком случае вопрос о причинах перехода к производящему хозяйству нуждается в глубоком обсуждении. Заслуга В. А. Шнирельмана в том, что он привлек внимание к устарелости многих прежних представлений о причинах перехода от присваивающего к производящему хозяйству. Устарело представление о том, что охотники, рыболовы, собиратели владели жалкое, полуголодное существование, единственным выходом из которого был переход к земледелию (с. 368). Стало также ясным, что земледелие далеко не сразу обнаруживало свое превосходство над присваивающим хозяйством (с. 368—369, 400—401).

Можно было бы еще многое сказать о рецензируемой книге. Но уже и сказанного вполне достаточно, чтобы дать ей общую оценку. Перед нами фундаментальная работа, представляющая большую научную ценность. Не только в нашей отечественной, но и в мировой научной литературе, посвященной возникновению производящего хозяйства, я не знаю труда, равного ей по богатству материала, широте охвата и глубине исследования. Книга В. А. Шнирельмана бесспорно является существенным вкладом не только в советскую, но и мировую историческую, этнографическую и археологическую науки.

Ю. И. Семенов

Примечания

¹ Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М., 1986. С. 4.

² Там же. С. 3.

³ Семенов Ю. И. Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества. // Сов. этнография, 1982, № 2. С. 52.

⁴ См.: Семенов Ю. И. Первобытнообщинный строй // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. М., 1979. Т. 3; его же. Основные этапы эволюции первобытной экономики // Народы Азии и Африки, 1984, № 1.